

В поисках «самодетерминирующей социальной реальности»

Рецензия на книгу: Кедров Н. Г. (2022). Апокриф аграрной историографии. Очерки изучения коллективизации в советской и российской исторической науке. Вологда: Полиграф-Периодика, 2022. — 339 с. ISBN 978-5-91965-300-4

И. А. Кузнецов

Игорь Анатольевич Кузнецов, кандидат исторических наук, РАНХиГС, 119571 Москва, пр-т. Вернадского, 82, стр. 1; Московская высшая школа социальных и экономических наук (МВШСЭН), 125009 Москва, Газетный пер., д. 3-5, стр. 1. E-mail: repytwd68@mail.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-1-150-155

Историография — самостоятельная отрасль исторической науки, играющая роль рефлексии, внутренней критики и своего рода аудита научного знания. Работ, посвященных историографии коллективизации, написано уже много, но потребность в них не снижается, поскольку сама коллективизация принадлежит к числу наиболее дискуссионных тем в отечественной исторической науке. Появление на этом исследовательском поле историографической книги Николая Геннадьевича Кедрова можно только приветствовать.

Книга представляет собой сборник авторских очерков, опубликованных в течение последнего десятилетия в виде отдельных статей, в том числе на страницах «Крестьяноведения», поэтому основные идеи автора уже знакомы профессиональному сообществу. Однако, будучи несколько переработанными и собранными воедино, эти тексты приобрели и некоторое новое качество, поэтому заслуживают презентации и обсуждения.

Книга содержит два раздела и четыре приложения, обрамленных Введением и Заключением. Каждый раздел открывается проблемно-хронологическим очерком, за которым следуют по три очерка, посвященных не столько биографиям, сколько «персональным делам» отдельных историков, избранных автором для более детального анализа. Проблемный очерк первого раздела «Замкнутый круг российской историографии коллективизации крестьянства» освещает смену исследовательских программ и парадигм от сталинского «Краткого курса» до начала 2000-х годов. Второй проблемный очерк «Аграрная историография между традицией и “реформацией”»: российские исследования коллективизации (1990-е — середина

2010-х годов)» хронологически пересекается с первым, но переносит акцент на региональную историографию. Героями персональных очерков стали: из поколения историков, пришедших в науку в период Оттепели, — Ю. А. Мошков, Н. Я. Гуцин и В. П. Данилов, а из представителей следующего научного поколения — И. С. Кузнецов, С. И. Савельев и М. А. Безнин. В качестве приложений автор включил свои рецензии на четыре книги: сибирских историков под редакцией В. А. Ильиных (2015), М. Н. Глумной (2011), Л. В. Изюмовой (2010) и И. Е. Козновой (2016). Хотя разбору взглядов Данилова посвящен лишь один специальный очерк, поставленный в конец первого раздела, фигура этого историка выступает в книге Кедрова центральной: страницы, на которых хотя бы один раз упоминается имя Виктора Петровича, занимают 64% общего объема текста (183 из 287 страниц, за вычетом списка литературы). Отдельную часть и ценность работы составляет библиографический список, занимающий 42 страницы.

Предметом своего анализа Кедров считает исследовательские программы и парадигмы наших историков. Научно-исследовательской программой он называет «комплекс концептуальных, инструментальных и эвристических подходов», а «по сути дела» — «те принципиально новые по отношению к предшествующему знанию вопросы, на которые ученые стремятся найти ответ» (с. 17). Именно программа, по его мнению, «формирует другие важнейшие характеристики в изучении определенной темы: используемые методы исследования, внутреннюю рубрикацию темы и иерархию исследовательских сюжетов, конкретные оценки частных научных проблем». Научная парадигма «понимается как совокупность наиболее характерных для данного этапа изучения темы представлений об объекте и методах его исследования» (с. 17). При этом парадигма, по мысли автора, не предзадана исследованию, а скорее формируется исследователями в процессе реализации исследовательской программы (с. 18). Вводятся также понятия «дискурс», «ядро дискурса», «исследовательские стратегии», «историографические поля» и др. Однако в изложении своего материала наш автор далеко не всегда придерживается строго определенной терминологии, часто применяя термины ситуативно. Так, в главе о Данилове он предпочитает оперировать традиционным для отечественной историографии термином «концепция», в очерке о Кузнецове и в Заключении активно прибегает к использованию концепта мифа и мифологии и т.п. В таких случаях читателю приходится уяснять для себя соотношения различных авторских терминов по контексту.

Важнейшим атрибутом той парадигмы, в которой находилась советская историческая мысль, начиная с появления «Краткого курса истории ВКП(б)» до Оттепели, автор считает взгляд на коллективизацию как на элемент аграрной политики государства. Благодаря Оттепели в 1950-е годы сформировалась новая исследовательская программа, которая предполагала «выяснение объективных

закономерностей истории советского общества» (с. 33). Программа была реализована новым поколением историков лишь частично, поскольку с конца 1960-х годов политический курс приобрел «охранительный характер» и наступили цензурные ограничения (с. 42). В 1960–1980-е годы советская историография «превратилась в метатекст, полный полутонов и скрытых смыслов. Здесь существовали всевозможные “табу” и процветал язык иносказания» (с. 247). Перестройка с конца 1980-х годов вернула в повестку дня оттепельную исследовательскую программу, и историографическая революция 1990-х годов во многом строилась на ее основе. Эта программа в течение следующих десятилетий «была выполнена российскими историками во всех ее основных элементах» (с. 53), причем в значительной мере благодаря региональным исследованиям коллективизации (с. 163). Современная ситуация с этой точки зрения выглядит как исчерпание прежней исследовательской программы, в ходе выполнения которой историкам все же не удалось создать «многоаспектной обновленной истории деревни» (с. 166), и поэтому наша историография «остро нуждается в разработке новых концептуальных подходов» (с. 60).

В каком направлении автор предполагает искать новые подходы? Для изложения своей позиции он прибегает к принципиальному разграничению в исследовательских практиках историков двух подходов — «субъектного» и «объектного». (Читателю книги не следует путать их с понятиями «субъективного» и «объективного».) Столкновение этих подходов он называет «основным научным противоречием» в изучении коллективизации (с. 8) и прослеживает его на протяжении всего своего повествования. Субъектным Кедров называет такой взгляд, при котором исторические процессы видятся историку продуктом воли, плана или деятельности некоего субъекта, «субъекта действия, абстрактного исторического персонажа» (с. 85). Применительно к коллективизации это означает понимание колхозного строительства как действия государства (власти), при котором крестьянству отводится пассивная, страдательная роль: «История деревни изучалась через призму отношений в системе “государство — крестьянство” <...> Крестьянство в этой исторической модели выступало лишь в качестве объекта государственного воздействия» (с. 55–56).

Субъектный подход отвергается автором. Ограниченность и тупик российской историографии он видит в господстве этого подхода. Он находит его, во-первых, в основе сталинской парадигмы, затем с сожалением констатирует, что заложенные в период Оттепели интенции выхода за рамки субъектного подхода не были реализованы, сугубо винит Данилова за то, что субъектный подход был воскрешен и усилен им в 1990–2000-е годы, наконец, резко, порой в неакадемических выражениях нападает на историков, которые сегодня полагают, что наша историография уже преодолела концептуальные стереотипы советской эпохи (с. 252), тогда как,

по его мнению, произошла лишь смена знаков с плюса на минус, но суть подхода — субъектное понимание истории коллективизации — не изменилась. Как представляли историки коллективизацию «революцией сверху», так и сегодня продолжают, только если раньше деяния, идущие «сверху», однозначно считали благом, теперь, после историографической революции 1990-х, — скорее злом.

Этому автор противопоставляет объектный подход, который, наверное, точнее было бы назвать бессубъектным, но он избегает этого слова. Речь идет о понимании истории как «самодетерминирующей социальной реальности» (с. 59, 90), «социальные процессы в ней выступают самодетерминантами развития» (с. 103). Каким именно образом автор представляет себе реализацию такого подхода в конкретном историческом исследовании, остается не вполне понятным, поскольку этот подход еще нигде не был реализован. Были лишь отдельные шаги в этом направлении, которые автор старательно отыскивает в работах отечественных историков. Именно этим обусловлен его выбор «героев» для своих очерков. Все, что в их работах расширяло контекст коллективизации за рамки парадигмы «крестьянство и власть», а еще лучше выводило государственную власть за скобки, отмечается автором как позитивные тенденции в науке. Поэтому, например, даже соглашаясь с существующей в литературе критикой концепции М. А. Безнина и Т. М. Димони, автор тем не менее склоняется к положительной оценке этой концепции, так как находит в ней элементы «объектного подхода», ведь здесь «деревня изучается посредством анализа объективных процессов» (с. 59). В целом Кедров лишь констатирует, что в ходе российской историографической революции «объективации подхода так и не произошло» (с. 48), «лишь отдельные авторы вступили на путь реформации» (с. 187), и в итоге «современный исследователь стоит на краю “долины” практически неизученного знания о реальных процессах на селе эпохи “великого перелома”» (с. 254). Весьма пессимистическая оценка проделанной российскими историками работы!

Не вступая в спор о плодотворности для исторического исследования точки зрения «самодетерминирующей социальной реальности» в принципе, хотелось бы отметить, что желаемая нашим автором «многоаспектная» история деревни неизбежно должна включать и аспект взаимоотношения деревни и государства. Добросовестный историк, каким бы подходом он ни пользовался, если его подход научный, не может игнорировать ту активную роль, которую играют в истории политические лидеры и политические элиты.

В историографической работе представляется важным видеть не только эволюцию концепций, исследовательских программ и парадигм историков. История исторической науки включает в себя также и историю освоения исторических источников. С этой точки зрения можно заметить, что пресловутый субъектный подход к изучению коллективизации сам имеет определенную объектив-

ную основу. То, что может на первый взгляд показаться ошибочными дискурсивными практиками, лишь отражает источниковую базу, которая есть в распоряжении исследователей, поскольку источники по истории коллективизации — это главным образом документы органов власти, освещающие деятельность этих органов и представителей власти, а также управленческая и отчетная документация разного рода. Если это статистика, то для данного периода нет негосударственной статистики. Для периода НЭПа в нашем распоряжении еще есть разнообразные наблюдения современников, экономические, социологические или этнографические исследования, описывающие жизнь деревни и крестьянства изнутри, но с началом коллективизации они исчезают (как исчезли и многие из их авторов). Если обратиться к комплексам писем крестьян и колхозников во власть, то этот источник скорее способен утвердить историка в мысли о всеилии государства над деревней и бессилии деревни, то есть в правильности «субъектного подхода». На такой источниковой базе любая революция будет рисоваться «революцией сверху». Кедров упоминает об этой проблеме, цитируя в Заключении слова Мошкова (с. 254), но в целом этот аспект остается в его книге без развития. Можно критиковать поздние работы Данилова за склонность к тоталитарной концепции, но как быть с тем фактом, что не только содержание отдельных источников, но сама структура источниковой базы этого периода запечатлела в себе тотальное проникновение государства во все сферы жизни деревни?

Из частных утверждений автора кажется неверным ставить в заслугу историкам, защищавшим диссертации вскоре после смерти Сталина, отсутствие ссылок на Сталина (с. 34, 82) — как известно, это было тогда общим требованием диссертационных советов.

Представляется преувеличением мнение автора о том, что замена в современной литературе термина «коллективизация сельского хозяйства» термином «коллективизация крестьянства» является симптомом некоего концептуального сдвига в сторону «объектного подхода» (с. 187). Еще в сталинском «Кратком курсе» использовались разные термины: «сплошная коллективизация» без указания на объект, «переход крестьян на рельсы коллективизма», а термин «коллективизация сельского хозяйства» был логичен в контексте разъяснения, что в колхозе «коллективизируются только основные средства производства». Примечательно, что в монографии советских историков 1982 года широко использовался термин «коллективизация крестьянских хозяйств»¹, но на концепции эти терминологические нюансы никак не отражались. Концепт «коллективизация крестьянства», если он используется сегодня историками осознанно, может подразумевать тотальное поглощение колхозом не толь-

1. Коллективизация сельского хозяйства в СССР (1982): пути, формы, достижения / Вылцан М. А., Данилов В. П., Кабанов В. В., Мошков Ю. А. М.: Колос. С. 3 и др.

ко хозяйства, но и личности крестьянина, что скорее характеризует этот подход, в терминах Кедрова, как субъектный.

В целом рецензируемая книга представляет собой серьезное, вдумчивое аналитическое исследование, далеко не свободное от недостатков, которое выводит разговор об историографии коллективизации за рамки ставшего у нас традиционным облегченного пересказа биографий и трудов предшественников и дает повод для размышлений над парадигмальными сдвигами в современной российской исторической науке.

И. А. Кузнецов

В поисках «самодетерминирующей социальной реальности»

In search of a “self-determining social reality”

Review of the book: Kedrov N. G. (2022). *Apocrypha of Agrarian Historiography. Essays on the Study of Collectivization in Soviet and Russian Historical Science*, Vologda: Polygraph-Periodicals, 2022, 339 p. ISBN 978-5-91965-300-4

Igor A. Kuznetsov, PhD (History), Senior Researcher, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Vernadsky Avenue, 82, Moscow, 119571; Moscow School of Social and Economic Sciences, Gazetny Lane, 3-5, Moscow, 125009. E-mail: repytwjd68@mail.ru